

УДК 81'373.611:[81'367.622.12+27]

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ ДИАХРОННОГО АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

И. М. Ганжина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматривается современное состояние исследований по деривации антропонимов и анализируются актуальные вопросы диахронного регионального антропонимического словообразования.

Ключевые слова: *антропонимия, апеллятив, оним, христианское имя, прозвищное имя, деминутив, гипокористическая форма имени, вариант имени, модификат, словообразовательный тип*

Общеизвестно, что в русском языке личные имена имеют огромное число уменьшительных, деминутивных форм; такого обилия словообразовательных вариантов не знает ни один язык. При этом определённые успехи, достигнутые ономастикой, подчёркивают и доказывают необходимость более глубокого изучения собственных имён не только в синхронном аспекте, но и в первую очередь – в диахронном, поскольку история русской антропонимии уходит своими корнями в далёкое прошлое и теснейшим образом связана с историей русского народа и его языка.

Современными ономатологами частично исследована фонетическая, словообразовательная и грамматическая характеристика современных антропонимов [6; 14; 15; 16], а также способы и средства выражения эмоционально-экспрессивных оценок в именах [2; 4; 10; 12; 20]. Однако следует констатировать, что в последние десятилетия интенсивность исследований по исторической антропонимике спадает, о чём свидетельствуют и материалы международных ономастических конгрессов (Уппсала, 2002; Пиза, 2005; Барселона, 2011), и российские конференции по ономастике (Йошкар-Ола, 2008; Екатеринбург, 2009; Казань, 2010 и др.). Особенно редки труды обобщающего характера, пытающиеся решить важные и спорные проблемы исторической антропонимии не на абстрактном антропонимическом материале, не ограниченном ни временными, ни территориальными рамками [19], а на основе анализа конкретных исторических источников, письменно засвидетельствованных данных.

До сих пор остаётся актуальной проблема, поставленная С. Роспондом почти полвека назад, – о необходимости установления «хронологического и особенно территориального расслоения словообразовательных и

лексико-семантических типов» [11, с. 17]. Об этой же проблеме через полтора десятка лет вновь заговорил В. А. Никонов: «Важную роль в антропонимической науке получает география личных имён и их *форм* (курсив наш. – И. Г.)... Эта трудоёмкая работа едва лишь начата» [9, с. 135].

Однако и на сегодняшний день в научной литературе, анализирующей территориальную антропонимию, имеются лишь отрывочные, попутные замечания об отдельных фонетических изменениях или об отдельных словообразовательных формантах личных имён. Всё ещё не собран и не описан огромный антропонимический материал по целому ряду малоизученных или не изученных вовсе территорий, разбросанный в печатных и рукописных источниках, и полностью отсутствуют развёрнутые описания общих принципов образования территориальных антропонимических систем, в совокупности их фонетических и словообразовательных вариантов. Об актуальности подобных исследований приходится слышать и в последнее время: «Общее число неофициальных форм русских имён трудно определить. Они складывались в местных говорах и пока что не собраны полностью... нам пока что известны далеко не все формы имён, существующие в русских народных говорах» [13, с. 448].

Необходимость изучения форм имён в историческом плане становится всё более очевидной; это констатируют не только филологи, но и историки, занимающиеся ономастикой: «Вышедшие из употребления варианты имён и производные от них зафиксированы... в бесчисленном множестве фамилий, в тысячах названий русских сёл... Располагая огромным корпусом разнообразных источников, лингвисты так и не создали российского антропонимикона, который включил бы все варианты крестильных имён, употреблявшихся на Руси...» [3, с. 93–94]. При этом автор справедливо отмечает, что в случае создания исторического гнездового словаря русских личных крестильных имён «мы вправе ожидать и решения многих этимологических загадок, касающихся русских фамилий» [3, с. 94] (добавим: и топонимов). Между тем как в историческом словообразовании в целом [17, с. 7], так и в исторической антропонимии почти не изучаются такие явления, как словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, словообразовательная парадигма. Решение же этой проблемы очень актуально для антропонимического диалектного словообразования, поскольку позволяет выявить диахронические изменения состава типовых и конкретных парадигм, развития и конкуренции определённых словообразовательных средств. А это, в свою очередь, позволит проследить исторические изменения деривационного потенциала и его реализации у отдельных производящих слов.

Обращение к корпусу территориальных форм христианских имён ставит перед исследователями целый ряд проблем – порой спорных, порой трудноразрешимых на начальном этапе работы. К числу таких проблем можно отнести вопрос о социальной дифференциации имён и их форм. Некоторые исследователи в своё время утверждали, что социальная грация

личных имён безусловно происходила в прошлом [5, с. 12–13; 18, с. 18]. Однако думается, что этот вопрос требует очень существенной корректировки, как нуждается в некотором пересмотре и тесно связанный с ним вопрос об экспрессивности подобных форм. Употребление в официальных документах преднационального периода огромного количества разнообразных производных форм христианских личных имён у лиц разных социальных слоёв и групп, вплоть до князей, (ср.: помещики *Бориско* и *Гришка Матвеевы дети Толстого*; бояринъ *Матюшка сынъ Ростовцова*; князь *Ивашка Борисовъ сынъ Еремеева* и т.д.) позволяет утверждать, что до XVII в. подобные производные формы не имели ни эмоционально-экспрессивной, ни социальной окрашенности, а выполняли лишь номинативную и различительную функции. Только в XVII в., как показывает материал памятников деловой письменности преднационального периода, нормой официального стиля становится именование лиц полными именами независимо от сословий, и тогда же происходит низведение форм типа *Ивашка*, *Петрушка* в неофициальную сферу общения и соответствующая переоценка их эмоциональных возможностей. В своё время Ю. С. Азарх, основываясь на анализе большого количества отапельтивных прозвищ с различными суффиксами, записанных в памятниках письменности XV–XVII вв., пришла к выводу, что «к концу древнерусского периода (XIV в.) началось формирование экспрессивных суффиксов» [1, с. 36]. Думается, подобное утверждение не будет касаться форм христианских имён. Употребление в официальных документах не только древнерусского, но и преднационального (XVI в.) периода разнообразных модификатов христианских имён в любых антропонимических конструкциях и у всех слоёв населения позволяет усомниться в том, что подобные образования обладали какой-либо экспрессией или социальной значимостью. Вероятно, можно согласиться с наблюдениями И. А. Королёвой о том, что социальная и экспрессивная дифференциация вариантов имён возникла позднее [7, с. 90]. Однако нельзя полностью исключить возможность социальных отличий в формах личных имён у представителей разных социальных слоёв в исследуемый период, что требует тщательных и кропотливых наблюдений. При этом, разумеется, необходимо функциональное изучение исторического словообразования антропонимов, выявление особенностей функционирования и образования мотивированных слов в памятниках разных жанров, территорий и эпох, поскольку судьба многих словообразовательных единиц определяется особенностями их функционирования в различного типа текстах.

Важным вопросом при анализе деминутивных форм имён – как христианских, так и прозвищных – является вопрос об их местной, локальной фонетической и морфологической окраске. Проблема связи исторической фонетики и исторического антропонимического словообразования с исторической диалектологией заслуживает особого рассмотрения. Безусловно, многие фонетические черты (употребление начального *О* вместо *А*,

протетический *B*, замена начального *H* на *M* и др.) так же, как и использование многих суффиксов при образовании деминутивных форм, являются общерусскими. Однако безусловным будет и тот факт, что любой регион является неповторимым в антропонимическом отношении. Между тем пока не выявлена сфера территориального распространения словообразовательных единиц, как и недостаточно описана до сих пор история антропонимических аффиксов.

Кроме того, нельзя не сказать о слабой изученности диахронических локальных морфонологических явлений, сопровождавших словообразовательные процессы. Потому важной задачей историков-антропонимистов становится обнаружение тех черт и явлений в строении и функционировании форм имён, которые делают корпус записанных на данной территории именных форм неповторимым. На наш взгляд, даже многочисленные общерусские фонетические и структурные элементы (в отдельности), взаимодействуя между собой, именно в своей взаимосвязи создают своеобразие системы форм христианских имён и образуют совершенно неповторимый антропонимический узор, свои локально ограниченные именные гнезда (ср.: *Елка, Ель, Елец, Олиско, Олух* < Елисей; *Олексейко, Олексеик, Олексеец, Олекса, Олеша, Олешка, Олешко, Олех, Лешка, Лешница, Ленка, Леня* < Алексей и т.п.).

Если же вести речь об антропонимах нехристианских, то диалектное своеобразие их форм легко выявляется при сравнении местных онимов как с формами родственных имён на других территориях (например: *Базло* – ср. *База, Базан, Базаня, Базей, Базуй, Базуля*; *Мыканя* – ср. *Мыка, Мыконка, Мыкун* и др.), так и с записанными в говорах однокорневыми лексемами (например, в говорах отмечено более двух десятков лексем с корнем «брат»: *братан, братень, братуга, братюн, братя, братюшка* и др., однако нигде не зафиксирована форма **братьянко*, существовавшая в прошлом на тверской территории, о чём свидетельствует прозвищное имя *Братьянко*. Фамильное прозвание *Шеметихин* указывает на существование на исследуемой территории в прошлом нарицательного **шеметиха*, однако современные говоры фиксируют другие словообразовательные варианты однокорневых лексем: *шемета, шеметун, шеметень* и т.д.). Таким образом, нередко случаи, когда общерусский по происхождению ряд омонимичных производных пополняется новым членом на тверских территориях.

Известно, что многие словообразовательные типы и модели в прошлом были преимущественно свойственны устной речи и отражены диалектными словами в гораздо большей степени, чем письменные памятники. Вот почему особенно важной нам кажется именно реконструкция фамилий, запечатлевших живую русскую речь в её региональной окраске, достаточно полно и объективно и сохранивших древние разговорные формы антропонимов, уже не зафиксированные на уровне непосредственно личных имён, записанных в памятниках письменности.

До сих пор остаётся открытым вопрос, от какой формы христианского имени образованы отдельные деминутивные формы. Так, формы *Лаша, Лашко, Лахоша, Ланко, Лахно* могли восходить к именам Ларион, Лавр, Галактион; *Левка, Левуха, Левушка* – к именам Лев, Леонид (через зафиксированную в памятниках разговорную форму Леванид), *Ерыга, Ерюха, Ерюшка* – к именам Еремей или Ермолай и т.п. Вероятно, тщательный анализ всей системы антропонимов в памятниках определённого периода и определённой территории. Сопоставление именованных одного и того же лица в них иногда позволит привязать некоторые из подобных форм к конкретным именам. Не исключено, что в отдельных случаях достичь подобного результата поможет тщательное выявление общих антропонимических (фонетических и словообразовательных) закономерностей образования деминутивов и сопоставление всех гипокористических форм имён. В остальных же случаях придется подобные деминутивы либо относить к нескольким именованным гнёздам, либо (с определёнными оговорками) – к именам, которые преобладают на исследуемой территории.

Ещё одна важная проблема, возникающая при анализе форм личных имён, – это реконструкция исходного имени в группе т.н. ассоциативных имён, выступавших как бы промежуточным звеном между занимавшими всё более прочные позиции христианскими именами и идущими на спад (однако нашедшими широкое отражение в основах фамилий и топонимов) прозвищными онимами. Известно, что основной источник эволюции словообразовательной системы (не только в плане антропонимов) – это образование по аналогии. Аналогия в сфере имён – явление универсальное, не зависящее ни от времени, ни от языка. Так, в современном русском языке существует множество именных форм, совпадающих с апеллятивами, «наблюдается массовая омонимия с обычными словами русского языка» [13, с. 446]. На наличие подобных форм указывают и чешские антропонимисты [19, с. 213]. Однако далеко не полностью выявлены связи и соотношения в словообразовательной системе, сочетаемостные возможности производящих основ и формантов в историческом плане. В этом отношении мы полностью согласны с настоятельным заявлением В. А. Никонова о том, что «названия... всегда соотнесены друг с другом» [8, с. 34]; каждая форма возникала не изолированно, а в ряду других форм. Тщательный анализ и учёт многочисленных деминутивов в тверских документах XVI в. и выявленные при этом ряды соответствий позволяют предполагать (а в отдельных случаях и утверждать), что онимы *Лань, Ель, Елка, Елец, Олух, Парша, Орех, Матушка, Семейка, Откат, Харя, Палка* и другие являются не прозвищами, а модификатами христианских имён.

Таким образом, решение актуальных в настоящее время проблем разработки регионального антропонимического словообразования в диахронном аспекте является весьма важным и для дальнейшего изучения истории словообразования в целом. Кроме того, анализ вариантов имён собственных может дать многое для развития исторической диалектологии,

ареальной лингвистики, а вместе с тем и для пополнения исторических знаний недостающими фактами.

Список литературы

1. Азарх, Ю. С. О связи словообразования с морфологическими категориями [Текст] / Ю. С. Азарх // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 36–39.
2. Бондалетов, В. Д. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах [Текст] / В. Д. Бондалетов, Е. Ф. Данилина // Антропонимика. – М. : Наука, 1970. – С. 194–200.
3. Воробьёв, В. М. О подготовке исторического гнездового словаря русских личных крестильных имён [Текст] / В. М. Воробьёв // Материалы для изучения селений России. – М. : Издательство ЭРД, 1997. – Ч. 2. Язык российской деревни: Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика. – С. 93–99.
4. Данилина, Е. Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке (Специфика. Словообразование) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Ф. Данилина ; Пензенский пед. ин-т, каф. рус. яз. – М. : [б.и.], 1970. – 20 с.
5. Зинин, С. И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. И. Зинин ; Ташкентский гос. ун-т, каф. рус. яз. – Ташкент : [б.и.], 1969. – 22 с.
6. Калакуцкая, Л. П. Словоизменение антропонимов в современном русском языке [Текст] / Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1982. – 472 с.
7. Королёва, И. А. Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики [Текст] / И. А. Королёва. – М.-Смоленск : БУКВА, 2000. – 158 с.
8. Никонов, В. А. Введение в топонимику [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 178 с.
9. Никонов, В. А. Северные фамилии [Текст] / В. А. Никонов // Этимология. 1978. – М. : Наука, 1980. – С. 134–152.
10. Поротников, П. Т. Материалы для вариантов полных личных имён [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы ономастики. – Свердловск : СГУ, 1982. – С. 90–115.
11. Роспонд, С. Перспективы развития славянской ономастики [Текст] / С. Роспонд // Вопросы языкознания. – 1962. – № 4. – С. 17–18.
12. Сельвина, Р. Л. Об одной диалектной особенности личноименного словообразования в языке новгородских писцовых книг XV–XVI вв. [Текст] / Р. Л. Сельвина // Вестник МГУЮ. – 1972. – № 3. – С. 72–76.
13. Суперанская, А. В. Народные разговорные формы русских имён [Текст] / А. В. Суперанская // *Onomastické práce*. – Praha, 2000. – S. IV. – S. 442–448.
14. Суперанская, А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 206 с.
15. Сулова, А. В. Старые календарные имена в современном русском языке [Текст] / А. В. Сулова // Восточнославянская ономастика. – М. : Наука, 1979. – С. 255–261.

16. Тихонов, А. Н. Словарь русских личных имён [Текст] / А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рьжкова. – М. : Школа-пресс, 1995. – 736 с.
17. Улуханов, Н. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка [Текст] / Н. С. Улуханов // Исследования по историческому словообразованию. – М. : Наука, 1994. – С. 3–16.
18. Фролов, Н. К. Антропонимия Приворонежья XVII в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. К. Фролов ; Воронеж. гос. ун-т, каф. рус. яз. – Воронеж, 1972. – 22 с.
19. Knappová, M. K proměnam systému hypokóristik [Текст] / M. Knappová // Onomastické práce. – Praha : Ústav pro jazyk český AV ČR, 2000. – S. IV. – S. 209–215.
20. Superanskaja, A. V. Suffixe und endelemente russischer Vornamen [Текст] / A. V. Superanskaja. – Leipzig : Institut für Slavistik, 1999. – 48 S.

ABOUT STUDY PERSPECTIVES OF DIACHRONIC ANTHROPONIMIC DERIVATION

I. M. Ganzhina

Tver State University
Department of the russian language

This article considers the contemporary state of scientific researches of derivation in personal names and analyses of actual problems of diachronic regional anthroponimic word-building.

Keywords: *anthroponymie, appellativ, onym, church name, unchurch name, deminutiv, gypocoristic, namevariant, modificat, word-building type*

Об авторах:

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, e-mail: emmaus1962@yandex.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.